

Неожиданно, как только он произнёс это, Оу Цянь вздрогнул, как собака, на которую наступили, широко раскрыл глаза и с тревогой спросил:

— Девятитысячелетний что-то для неё задумал?

Оуян мысленно выругался: «Ты сам Девятитысячелетний, вся твоя семья Девятитысячелетний... Фу, фу, фу, случайно и себя обругал!»

Оуян с досадой успокоил себя, нахмурился и спросил в ответ:

— Ты её отец, если ты не собираешься её устраивать, то ждёшь, что это сделаю я, её дядя? Если ты действительно так думаешь, то лучше пусть Цзин-эр сама всё устроит. Весной начнутся праздники, и, посетив несколько домов, она обязательно найдёт себе подходящего мужа.

Сейчас нравы довольно свободные, хотя девушки должны соблюдать определённые правила, но они далеко не так строги, чтобы сидеть взаперти. На банкетах в знатных семьях мужчины и женщины сидят отдельно, но не разделены ширмами или дворами, так что могут видеть друг друга.

Именно поэтому многие праздники сейчас служат и для знакомств. Особенно весной, когда сердца бьются сильнее, молодые девушки и юноши собираются вместе под руководством старших, чтобы найти подходящую пару, основываясь на равном социальном статусе.

Услышав это, Оу Цянь явно удивился, видимо, не ожидая такого ответа от Оуяна.

Не дожидаясь дальнейших слов, Оу Цянь поспешно согласился, а затем стремительно встал и попрощался.

Оуян не мог не почувствовать лёгкое раздражение, подозревая, что Оу Цянь что-то скрывает.

Но, подумав, Оуян решил, что это, вероятно, не так уж важно, скорее всего, Оу Цянь просто думал, что Оуян уже нашёл жениха для его дочери, и поэтому не был готов к обсуждению её замужества, внезапно услышав, что Оуян тоже ничего не планировал.

В конце концов, Оу Цзин уже исполнилось семнадцать, и если не найти ей жениха, она скоро станет старой девой.

Но в этом вопросе Оуян действительно был бессилен помочь.

Оуян ни в этой, ни в прошлой жизни не пробовал себя в роли свахи и не знал, как именно подбирать пары по принципу «талантливый мужчина и красивая женщина» или «равный статус».

Он подумал: «Ладно, пусть Цзин-эр сама ищет! Если ничего не выйдет, тогда я попрошу Ци Юньхэна вмешаться!»

С этим решением Оуян отложил вопрос в сторону.

Через несколько дней Оуян наконец понял, в чём была причина странной реакции Оу Цяня.

В последний день января Ци Юньхэн неожиданно вошёл в Летний дворец через главный вход.

Переодевшись в лёгкую одежду с помощью слуг, Ци Юньхэн сел на стул рядом с Оуяном и

смущённо начал:

— Я только что был у императрицы...

— Ага, — прищурился Оуян, думая, что Ци Юньхэн собирается завести детей с императрицей Ван и пришёл проверить его реакцию, что вызвало у него внутреннее отвращение.

Однако Ци Юньхэн изменил тему:

— ...она спросила меня о чём-то, что меня очень удивило. Подумав, я решил, что лучше спросить тебя напрямую.

Тут он сделал паузу, а затем продолжил:

— Чунъянь, ты хочешь, чтобы Цзин-эр стала наложницей?

— Что?! — Оуян только что положил кусочек персика в рот, и, услышав это, чуть не подавился, быстро выплюнул его на тарелку и уставился на Ци Юньхэна. — Как я могу выдать Цзин-эр за тебя?! Откуда такие слухи?

Ци Юньхэн с облегчением вздохнул и улыбнулся:

— Я тоже думал, что это странно, но императрица говорила так уверенно, и сказала, что эти слухи пошли из дома маркиза Чэнъяня, от самой семьи Оу.

Сегодня Ци Юньхэн пошёл к императрице Ван, чтобы обсудить, какие праздники и церемонии можно отменить, какие упростить, а какие провести обязательно. Но в разговоре императрица упомянула об этом, и Ци Юньхэн, испугавшись, бросил все дела и поспешил к Оуяну, чтобы прояснить ситуацию с Оу Цзин.

С рациональной точки зрения, Ци Юньхэн считал, что привести Оу Цзин во дворец было бы неплохим ходом. Хотя Оуян не нуждался в племяннице для укрепления своего положения, ему был нужен наследник с его кровью, чтобы закрепить статус. Если бы Оу Цзин родила сына, похожего на Оуяна... нет, даже просто на саму Оу Цзин, Ци Юньхэн с радостью сделал бы его наследником престола.

Но с иррациональной точки зрения, Ци Юньхэн чувствовал, что даже если Оу Цзин войдёт во дворец, ему будет трудно с ней сблизиться. Мысль о том, что это племянница Оуяна, вызывала у него дискомфорт, и если бы они оказались в одной постели, смогли бы они вообще что-то сделать, не говоря уже о зачатии ребёнка.

К счастью, Оуян ещё не сделал ничего, что заставило бы его действовать рационально.

Увидев реакцию Оуяна, Ци Юньхэн с облегчением предупредил себя: рациональные мысли лучше оставить при себе и ни в коем случае не говорить о них, чтобы императорский супруг не узнал.

Оуян уже был в ярости, схватил Ци Юньхэна и спросил:

— Это действительно сама семья Оу распространила эти слухи?

— Я ещё не отправлял никого проверять, — развёл руками Ци Юньхэн, делая вид, что не виноват. — Но императрица именно так мне сказала. В последние дни она часто принимала знатных дам, так что, возможно, услышала что-то извне.

После церемоний Ци Юньхэн передал императрице Ван больше полномочий. Императрица Ван добросовестно выполняла свои обязанности, взяв на себя всё, что должна была делать императрица.

— Не нужно проверять, я сам спрошу! — Оуян ударил по столу. — Пан Чжун! Пошли гонца в дом маркиза Чэнъэня, сообщи, что Девятитысячелетний завтра посетит их, пусть готовятся к торжественной встрече!

Получив известие о визите Оуяна на следующий день, семья Оу была в панике.

За исключением нескольких младших членов семьи, которые не знали, что такое дядя, и небольшого числа служанок, запертых в задних покоях, остальные не считали это событие радостным.

Те, кто давно жил в семье Оу, знали, что хотя третий молодой господин редко посещал дом, каждый его визит приносил беду. Хозяин дома почти наверняка получал хорошую взбучку, а те, кто не успевал спрятаться, тоже страдали. После ухода третьего господина в доме всегда становилось на несколько человек меньше, иногда это были хозяева, иногда слуги.

Короче говоря, это был зловещий знак, и если он возвращался, кто-то обязательно попадал в беду.

Но когда третий господин был просто третьим господином, семья Оу уже не смела проявлять недовольство, а теперь, когда он стал императорским супругом, Девятитысячелетним, они даже не осмеливались злиться.

Второй молодой господин, Оу Мо, который недавно вызвал недовольство своего младшего брата, был так напуган, что хотел сбежать ночью. Бывший граф Цинъян, а ныне маркиз Чэнъэнь, тоже был в панике, не находя себе места. Однако хозяйка дома, госпожа Чжао, не стала утешать мужа и сына, а поспешно вызвала старшего сына Оу Цяня, чтобы обсудить, как встретить гостя на следующий день, кто должен присутствовать, а кто лучше исчезнуть.

Как только Оу Цянь вышел из комнаты, его жена, госпожа Ци, позвала дочь Оу Цзин и велела ей завтра воспользоваться возможностью поговорить с Оуяном о вступлении во дворец.

Оу Цзин тут же нахмурилась и с раздражением отказалась:

— Я уже говорила вам, что это невозможно, не мечтайте!

— Что значит невозможно! — рассердилась госпожа Ци. — Я не верю, что твой дядя не хочет иметь наследника с кровью семьи Оу!

— Он действительно не хочет, верите вы или нет! — резко ответила Оу Цзин.

Оуян уже приготовил для неё приданое, так что он точно не хотел, чтобы она вступала во дворец. А Ци Юньхэн так доверял Оуяну, что, если бы Оуян сказал «нет», даже если бы семья изо всех сил попыталась втолкнуть её во дворец, Ци Юньхэн вышвырнул бы её обратно в дом Оу.

К тому же, она не была глупой, зачем ей быть наложницей императора, когда она могла быть законной женой? Тем более, что император был её дядей!

Но госпожа Ци не собиралась сдаваться и сразу же изменила тактику:

— Даже если не для твоего дяди, подумай о своих братьях! У нашей семьи нет ни заслуг, ни связей, а титул маркиза Чэнъэня не передаётся по наследству. Если во дворце не будет нашего человека, когда твой дядя уйдёт, что останется от нашей семьи? Цзин-эр, умоляю тебя, иди во дворец, если родишь сына или дочь, вся семья Оу будет под защитой...

<http://bllate.org/book/16203/1454587>